

**«Окончательный» распад постсоветского пространства:
построение новой структуры региональных отношений**
Комментарий эксперта, 16.08.2024

Норайр А. Дунамалян¹

За последние десять лет не раз ставился вопрос актуальности термина «постсоветское пространство». Критики использования такой терминологии настаивали на том, что распад СССР был падением колониальной империи, где единственным объединяющим элементом было доминирование России, в то время как иной подход может показать, что та же Российская Федерация, несмотря на преемственность Советскому Союзу в Совбезе ООН, стала одной из 19 республик (в т. ч. – де-факто государства), которых связывало общее социальное, политическое и культурное наследие. Однако со временем распад общего гуманитарного пространства и трансформация постсоветских обществ привели к постепенному отдалению бывших союзных республик друг от друга, способствуя регионализации. Во всяком случае до 2018-2020 гг. в отношениях между странами бывшего СССР господствовала именно «постсоветская» логика отношений, которая сменилась новым качеством взаимодействия по причине нарушения баланса сил в зоне влияния РФ.

«Постсоветское пространство» стало детищем однополярного «момента», периода 1990-х – начала 2000-х, когда только одна сверхдержава доминировала во всём мире. После распада СССР США пытались создать систему иерархизированных отношений, нацеленных на сохранение контроля над геополитической или геоэкономической структурой отношений между странами в различных регионах мира. Вашингтон предоставлял возможность некоторым державам сохранять «свободу рук» в вопросе обеспечения безопасности и экономического взаимодействия, но, одновременно, ставил рамки для роста их геополитического влияния. Постсоветское пространство представляло собой именно такой формат, где доминирование РФ не ставилось под вопрос, но только в случае соблюдения ею определенных правил. Эти правила касались сохранения баланса отношений между постсоветскими республиками, где Россия была бы не гегемоном, а влиятельным партнером и посредником. Даже после грузино-российской пятидневной войны 2008 г. эта система продолжала работать, а конфликты между РФ и другими республиками (Украина, Грузия, Молдова и др.) воспринимались как поиск «красных линий» в рамках единой системы отношений.

Трансформация отношений произошла вместе с ростом самостоятельности региональных акторов, которые стремились к постепенному дистанцированию от РФ. Если форматы СНГ и ОДКБ представляли собой «мягкую» версию интеграции постсоветского пространства (при том, что прибалтийские республики стали частью НАТО и ЕС), то создание ЕАЭС стало реакцией на кризис отношений между постсоветскими республиками, отражающей желание России сохранить свое влияние.

---

¹ Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Российско-Армянского (Славянского) университета. Автор более 15 научных работ и статей.

Главная проблема заключалась в том, что попытки «законсервировать» прежнюю структуру отношений осуществлялись на фоне разрушения глобального миропорядка. Симптоматика международных изменений просматривалась в росте влияния внешних игроков (в частности, ЕС, Великобритании, Китая, Турции) на пространстве т. н. ближнего зарубежья РФ, а также в снижении роли США в мировых процессах.

Структура постсоветских отношений состояла из нескольких компонентов, общих для всех участников этого пространства: фактора личных отношений между руководителями государств; устойчивой системы локальных конфликтов; идеологической роли России как главного «союзника» или «антагониста»; стремления к укреплению отношений с США и ЕС. Все эти элементы в будущем были пересмотрены по объективным и субъективным причинам, меняя суть взаимодействия между странами бывшего СССР. За последние 30 лет во многих республиках поколение «советских» политиков было смещено, политика «братства/враждебности» сменилась радикальным прагматизмом, а внешнеполитические векторы переориентировались на Восток и Юг. К этому можно добавить пересмотр роли непризнанных государств, которые сменили свою функцию «рычага давления» на «предмет торга», поскольку донбасский или карабахский «кейсы» могут быть спроецированы на приднестровский и абхазо-осетинский в зависимости от поведения Молдовы и Грузии соответственно. Во всяком случае, этнополитические конфликты постсоветского пространства начинают носить на себе отпечаток глобального противостояния. Конечно, в качестве составляющих постсоветских отношений можно было назвать общее гуманитарное пространство, культуру, русский язык, политические и экономические связи, однако эти элементы не являются ключевыми, их замена или рекомбинация не приведет к значительной дестабилизации, чем вышеупомянутые обстоятельства.

Отражение разрушающегося миропорядка на постсоветском пространстве

Распад постсоветского пространства не означает спад влияния России, но представляет значительный пересмотр ее внешней политики. Предлагаемый Западом «*международный порядок, основанный на правилах*» («rules-based international order») не встречает какого-либо энтузиазма у России и Китая, которые обвиняют США и их союзников в лицемерии и «*двойных стандартах*». В свою очередь стратегические конкуренты Соединенных Штатов предлагают выстраивать международные отношения на основе «*взаимовыгодного сотрудничества*», что означает отказ от какого-либо идеологического давления на государства в случае их согласия на политическое сближение. Тем самым, КНР и Россия предлагают более инклюзивную модель взаимодействия, которая не предполагает идеологического воздействия. Главным условием является невмешательство во внутреннюю политику и отказ от поддержки Запада. Такая формула предельно противоречива, но

привлекательна для развивающихся стран, где режимы личной власти не готовы соблюдать какие-либо правила, по крайней мере, во внутренней политике.

Преодолевая «постсоветскую» логику взаимодействия, пространство бывшего СССР переходит в процесс иерархизации отношений, исходя из роли и влияния определенных государств Восточной Европы, Южного Кавказа или Центральной Азии. В этом контексте «*взаимовыгодное сотрудничество*» не предполагает даже статусного равенства, поскольку выделяется категория регионального лидерства, то есть – государства могут не претендовать на глобальные роли, но при этом играть важную роль в «звеньях» соподчинения. В случае окончательного снижения роли США в глобальной перспективе таких «цепочек соподчинения» может возникнуть несколько: вокруг РФ и КНР, в Европе, Латинской Америке, на Ближнем Востоке и т. д. Такой формат взаимодействия выстраивается уже сегодня и представляет собой попытку подготовиться к возможному глобальному мегакризису.

Иронично, что региональная конфигурация на постсоветском пространстве возникла благодаря русскому направлению ориентализма первой половины XIX в., когда в обиход вошли такие понятия как «Малороссия», «Закавказье», «Средняя Азия». При Временном правительстве и большевиках эти территориальные феномены получили институциональное оформление и границы, а также высокий уровень самостоятельности. В постсоветский период независимость бывших окраин Российской империи и Советского Союза привела к тому, что российские элиты начали думать о разрушении старых геополитических моделей, ставя акцент на безопасности и развитии сугубо территории РФ.

Такой подход спровоцировал откат к условно «дороссийской» региональной конфигурации (границ XVIII в.), которая укрепилась в процессе фрагментации постсоветского пространства на протяжении последних 30-и лет. Возвращение к «дороссийской» ситуации в различных регионах постсоветского пространства означает фактический «раздел» зон влияния в постсоветских регионах между Россией и другими акторами (в случае Беларуси, Украины или Молдовы – с восточноевропейскими странами, Южного Кавказа – с Турцией, Ираном или Китаем, Центральной Азии – с Китаем и Ираном (в вопросе Таджикистана)). Под «разделом» нужно понимать скоординированные действия по отношению к ресурсам, потенциалу и стратегической важности конкретного региона для России и других держав, целью которых является вытеснение «политического Запада».

Поэтому после февраля 2022 г. так возрос интерес к БРИКС+ и ШОС. Россия поставила ставку на свой «актив» в виде влияния на постсоветские республики с целью привлечения новых «инвесторов» для реализации общих задач. Исходя из этого не стоит воспринимать некоторые события как совпадения: включение Беларуси в ШОС; активное участие Азербайджана в заседании ШОС, подписание соглашения с КНР и провокации против Франции; конфликт Грузии с Западом на фоне запуска постройки порта в Анаклии китайской компанией и т. д. В этом контексте каждое государство (а точнее – правящий класс) пост-постсоветского пространства пытается занять для себя наиболее выгодную позицию.

На эту позицию влияют также амбиции сопредельных с постсоветским пространством государств, которые заинтересованы в продолжающейся фрагментации сферы влияния России. Программа «европейского добрососедства» ЕС стала важнейшим триггером для пересмотра региональных отношений внутри постсоветского пространства. Конфликт вокруг Украины и российско-армянский кризис 2013 г. стали результатом сближения с ЕС в рамках «Восточного партнерства». После начала военных действий на Украине Южный Кавказ и Центральная Азия стали стратегически важными для Европейского Союза регионами с точки зрения безопасности и транспортных путей, а также диверсификации поставок энергоносителей и ресурсов.

На субрегиональном уровне можно отметить давний польский проект «Междуморье» (позиционируемый сегодня посредством проекта «Инициатива трех морей»), который нацелен на вовлечение в свою орбиту Прибалтики, Беларуси, Украины и Молдовы, чему способствует «военная операция» России на Украине. Белорусские власти используют это обстоятельство в контексте мобилизации населения перед «общей с Россией» угрозой. При этом, процесс делегитимизации власти А. Лукашенко в 2020 г. привел к полной лояльности Москве и поиску путей включения Минска в новые форматы сотрудничества на Востоке (в рамках ШОС, БРИКС или сотрудничества с Кубой, Венесуэлой, Азербайджаном и др.). По сути, Беларусь сегодня стала «аватаром» России, представляющим в концентрированном виде главные направления российской геополитики.

Есть расхожее мнение, что «руками» Польши действуют США, однако при всей поддержке Вашингтона стоит отметить одно обстоятельство: Варшава, не имея широких военно-политических или экономических возможностей, уже долгое время использует потенциал ЕС для выражения своих националистических притязаний. Примечательно, что «посткоммунистические» страны Восточной Европы (Польша, Венгрия, Румыния, Словакия и другие) все еще находятся в поиске своей национальной идентичности, и активная «экспансионистская» политика остается в повестке дня. Такая же ситуация ведет к активизации Турции на пространстве Южного Кавказа и Центральной Азии.

Несмотря на то, что в позициях Турции сегодня просматривается некоторая критическая напряженность, на что влияет, прежде всего, потеря позиций власти на внутривнутриполитическом направлении, Р. Эрдоган в 2020 г. своей поддержкой Азербайджану запустил механизм окончательного распада постсоветского пространства. Речь идет не о том, что потеря Нагорного Карабаха стала началом вытеснения России из региона, а о полном пересмотре сложившихся за 30 лет правил регионального взаимодействия. Турция фактически «вторглась» на постсоветское пространство и нанесла поражение одному из государств этого региона, что не встретило какого-либо сопротивления со стороны стран этого пространства, наоборот, многие приветствовали поражение Армении. К тому же был создан альтернативный СНГ формат «Организации тюркских государств», укрепивший основы для конкуренции Турции и России на постсоветском пространстве. Тем самым

произошло нарушение регионального порядка, которое отразилось уже в войне на Украине.

Однако наиболее важным игроком в пересмотре региональных отношений остается КНР, чьи инфраструктурные проекты ведут к встраиванию стран постсоветского пространства в более глобальные форматы взаимодействия. Транзит через Центральную Азию и Южный Кавказ сулит большие выгоды постсоветским государствам, но в то же время привязывает их к странам-инвесторам.

Издержки сотрудничества с «региональными лидерами»: фактор предсказуемости

Присутствие «нетрадиционных» для постсоветского пространства акторов заставляет РФ разрабатывать новые форматы отношений. Во многом эти форматы схожи с американскими и представляют собой стремление сотрудничать с т. н. «*региональными лидерами*», которые в свою очередь могут сформировать вокруг себя более предсказуемую систему политических и экономических связей. Фактор предсказуемости важен с точки зрения реагирования этих стран на шаги России во внешней политике и относительной независимости этих стран от влияния Запада. Примечательно, что такая «независимость» от Запада может демонстрироваться на уровне риторики, что вполне устраивает российское руководство.

После 2022 г. стремление России обезопасить свое геополитическое положение привело к углублению отношений с несколькими «*региональными лидерами*» на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Подписание [декларации](#) о союзническом взаимодействии между РФ и Азербайджаном было нацелено на закрепление «успехов» российской дипломатии в зоне Нагорно-Карабахского конфликта и представление новых приоритетов в вопросе сотрудничества в данном регионе. Таким шагом Россия способствовала процессу разрушения постсоветского баланса сил на Южном Кавказе, [назначив](#) Азербайджан на роль «*регионального лидера*» (в дальнейшем, этот статус будет подтверждён А. Лукашенко). Азербайджан и до этого долго мнил себя лидером в регионе Южного Кавказа, но сегодня такие притязания стали носить институциональный характер. Вместе с тем, парадоксально, что выстраиваемые отношения на фоне разрушающегося миропорядка являются конъюнктурными (Россия стремится найти новые транспортные пути для перевозки товаров и углеводородов на мировые рынки), что отражается в резких изменениях риторики официальных лиц РФ.

Однако новые форматы отношений пока что выстраиваются без ясной перспективы их развития (главная перспектива – разрушение старого миропорядка). В Центральной Азии постепенно повышается роль Узбекистана, демонстрирующего высокие показатели темпов роста ВВП в регионе и обладающего самым большим демографическим потенциалом. При этом наблюдается сближение между Россией и пришедшим в 2020 г. к власти в Кыргызстане режимом С. Жапарова, который наравне с авторитарными наклонностями проявил довольно лояльное отношение к проведению СВО на Украине. Таким образом, Россия отдает предпочтение

«предсказуемым» режимам, с которыми возможно вести прямой диалог посредством устойчивых политических связей. Этому, во многом, способствует сходство политических режимов.

Среди «непредсказуемых» режимов сегодня можно выделить Армению, Казахстан, Молдову и Грузию, поскольку политические элиты этих государств привержены к рассмотрению нескольких альтернатив в своей внешней политике по причине необходимости диверсификации геополитических и экономических рисков. В этом контексте интересен пример Казахстана как экономически наиболее развитого государства Центральной Азии, давно претендующего на высокий уровень самостоятельности, что приводит к периодическим конфликтам с РФ. К тому же главным экономическим партнером Казахстана все еще остается ЕС, и диверсификация перевозки товаров и энергоносителей (главный казахстанский нефтепровод проходит через территорию РФ) остается важнейшим приоритетом этой республики. Ответом на действия Астаны становится [формирующаяся](#) ось «Москва–Ташкент–Бишкек» в рамках сотрудничества в транспортной и экономической сфере. В свою очередь, для Казахстана в качестве возможных альтернатив важно сотрудничество с Китаем, хотя его тесное сотрудничество с теми же региональными конкурентами Астаны ведет к поиску более углубленных связей с ЕС, Великобританией и Турцией. Кроме того, Казахстан предлагает [создать](#) региональный оборонительный союз, который в перспективе может снизить влияние России и Китая.

Гибридные режимы Армении, Молдовы и Грузии занимают наиболее уязвимые позиции, поскольку их геополитическая ориентация в сложившихся условиях может быть нестабильной. В случае Молдовы продолжается сближение с Румынией, однако остаются проблемы с Гагаузией и Приднестровьем, способствующие геополитической фрагментации этой республики. Политические элиты Грузии занимают предельно прагматичную позицию в вопросе отношений с РФ, Китаем и Западом, но выборы в октябре могут вывести из равновесия политическую систему страны. Армения, будучи самым слабым звеном в ряду постсоветских республик, пытается найти баланс интересов различных глобальных и региональных акторов, что в условиях мировой конфронтации превращает территорию республики в «поле геополитических экспериментов».

Примечательно, что Таджикистан, имея общую границу с новосозданным Эмиратом Афганистан, выпадает из многих инфраструктурных проектов по причине замкнутости железнодорожной ветки и сложного рельефа. Для того, чтобы вовлечь республику в проекты «Север–Юг» или «Запад–Восток» необходимо выстроить развитую транспортную систему, связывающую Центральную и Южную Азию, однако ситуация в Афганистане и конкуренция между Китаем и Индией этому препятствуют. Таджикистан во многом остается в старой системе координат, хотя в последние годы руководство страны выстраивает тесное сотрудничество с Ираном.

Таким образом, возникает несколько критических проблем. Во-первых, Россия, находясь в ситуации конфронтации с Западом на территории Украины, пытается выстроить промежуточный региональный порядок на основе фактора

«предсказуемости», что, с одной стороны, выделяет целый ряд «региональных лидеров», и, с другой, создает сдерживающие механизмы для борьбы с «геополитическим разворотом» колеблющихся режимов. Во-вторых, присутствует важное обстоятельство, которое не дает общей картины отношений на «пост-советском» пространстве в будущем. Это судьба Украины после завершения военных действий, поскольку позиция этой страны после войны будет важным элементом в построении баланса сил в Восточной Европе, хотя очевидно, что этот конфликт не является ключевым в вопросе изменения миропорядка (как пример Советско-финской войны в 1939–1940 гг.).

Акцентирование внимания на тактических шагах ведет к росту будущих угроз. Текущие действия постсоветских элит исходят из сложившихся кризисных ситуаций, где каждое государство пытается подойти к глобальному коллапсу наиболее подготовленным. Как следствие, растут военные расходы, заключаются новые военно-политические союзы, ужесточается экономическое и миграционное законодательство, возникает необходимость консолидации общества. Поскольку в основном речь идет об авторитарных режимах, то это приводит к росту уровня внешне- и внутривластной агрессивности, что, в стратегической перспективе, может вылиться в региональный хаос.

«Анти-России» против «Анти-Америки»

Говоря о противоречивости незападной альтернативы мировому порядку, нельзя забывать о том, что США, предлагая свое видение иерархизированных региональных отношений, всегда имели дополнительную стратегию действий. Ее основная суть заключается в создании такого количества связей и противовесов на региональном уровне, который не допустил бы формирования гегемонии одного центра силы. Этот подход можно назвать «контролируемой многополярностью». Еще З. Бжезинский отмечал важнейшую роль Азербайджана, Узбекистана и Украины в вопросе сдерживания российских «имперских» амбиций. И сегодня мы видим значительный рост важности именно этих стран для российской внешней политики.

Иными словами, Россия, способствуя разрушению прежних отношений, заручается тактической поддержкой режимов, которые всегда проводили сбалансированную политику в отношении различных центров силы. При этом внешнеполитические подходы этих государств начинают применяться странами, которые в прошлом были довольно лояльны Москве. Ситуация еще больше усугубляется продолжением военных действий на Украине, к завершению которых пространство вокруг России может значительно преобразиться. Это, в свою очередь, приведет к формированию новых «[Анти-Россий](#)», стремящихся к дистанцированию от российского влияния.

Во многом, проблема заключается в том, что сама Россия «опрокинула» геополитическую игру, эксплуатируя тему о возрождении СССР или оправдывая свои действия «ленинскими» проектами конфедерации, что стало лишь риторикой, за которой скрывалось растворение постсоветского пространства в более глобальной перспективе. Даже сам термин «*Специальная военная операция*» должен был

обозначить определенную ограниченность и выверенность российских действий на Украине, однако два года войны изменили всю картину. Попытка руководства РФ преподнести войну на Украине в качестве аналогии с американскими операциями в Ираке или Афганистане продемонстрировала стремление российских элит подчеркнуть сходство с внешней политикой США. Следование Россией в фарватере *«контролируемой многополярности»* на постсоветском пространстве также показывает отсутствие своей стратегии по формированию устойчивых отношений с странами Ближнего зарубежья. Фактически, на постсоветском пространстве столкнулись две негативные повестки: антироссийская и антиамериканская, – которые способствуют постепенному распаду этого макрорегиона.

Рождение «Евразийских Балкан» (вместо заключения)

Регионы Южного Кавказа и Центральной Азии благодаря различным торговым и инфраструктурным инициативам превращаются в единое пространство. Транзит товаров между Европой и Китаем становится ключевым направлением транспортных проектов многих постсоветских республик. Исходя из этого формируется запрос на сближение южнокавказских и центральноазиатских стран. Азербайджан, благодаря своим культурным и политико-географическим особенностям, уже давно воспринимается как скорее часть Центральной Азии, а не Южного Кавказа. Все мультимодальные транспортные пути из Центральной Азии (к примеру, Средний коридор) в обязательном порядке отмечают Баку как ключевой транспортный узел для перевозок товаров через Грузию в Европу. Вместе с тем, обсуждение т. н. *«Зангезурского коридора»* также является элементом формирования новых региональных отношений. С другой стороны, возникает большое количество вопросов вокруг позиций России и Ирана, однако процесс становления «Евразийских Балкан» (в терминах З. Бжезинского) уже запущен.

Таким образом, геополитическая *«Большая игра»* на постсоветском пространстве только начинается, и касается она уже не только позиций Запада и России, но и ряда других акторов и, в частности, КНР. Конфликт на Ближнем Востоке также можно рассматривать в ключе «открытия» Ирана для новых глобальных инициатив, способствующих продвижению как американских, так и китайских интересов в вопросе развития транспортных путей Евразии. В этом контексте многие игроки пытаются нейтрализовать фактор России, которая из-за войны на Украине не может позволить себе активных действий даже на Ближнем зарубежье. Как результат, к окончанию военных действий в Восточной Европе может до неузнаваемости преобразиться вся «южная зона» бывшего постсоветского пространства.